

Всероссийский конкурс исследовательских и проектных работ школьников «Высший пилотаж»

Содержание и направленность исторической политики современной России по материалам экспозиций парка “Россия - моя история” в Москве: опыт количественного и структурного анализа

Исследовательская работа

Направление “История”

2022 г.

I. Введение	2
II. Основная часть	8
Глава 1. Характеристика способов и инструментов коммеморации и реализации исторической памяти	8
Глава 2. Анализ внутреннего исторического содержания нарративов	9
§1. Информационная мощьность и пантеон героев/антигероев	9
§2. Цитирование и пантеон героев/антигероев	11
Глава 3. Анализ идейной основы экспозиции, причинно-следственных связей и контекстов нарративов	12
III. Заключение	14
IV. Список литературы	15
V. Приложение	16

I. Введение

Прежде чем перейти к введению по существу хотелось бы очертить основные понятия, используемые в работе, дать **общее введение в категориально-понятийный аппарат** и понимание его автором исследования.

Прежде всего, дихотомия “история как наука” - “история как не наука” применяется автором в следующем значении. История, как понятие, имеет амбивалентный характер и в современном мире подразумевает, как минимум два диаметрально противоположных значения: более обиходное - “история как наука” (академическая научная дисциплина, имеющая целью максимально непротиворечивое, приближенное к абсолютной истине моделирование прошлого, в соответствии с собственными предметом и методом¹) и “история как не наука” - формирование национального мифа, идеологических программ и конструирование общего “исторического прошлого”, отвечающего целям создателя нарратива. Историческая политика и политика памяти являются частными вариациями использования прошлого² (истории как не науки, а как абстрактного прошлого) и включают в себя целый комплекс действий, направленных на внутреннюю регуляцию процесса, а именно: создание новых нарративов в разных формах, коммеморативные практики (конструирование “мест памяти”, выражаясь языком П. Нора³), формирование иерархии или пантеона “точек памяти” (событий, героев) в национальной истории, подлежащих фиксации или забвению и т.д.

Соотношение понятий “история” - “память” решаются автором следующим образом. Неоднократно было замечено, что история, скорее, является антагонистом памяти, в любых ее проявлениях⁴. И работа, скорее, подходит под изучение истории государства через политику государства по отношению к своему прошлому. И это является вполне себе историческим исследованием. В современном мире наблюдается тенденция к бытованию истории, выражаясь языком концепции режимов историчности Ф. Артога, в достаточно специфическом режиме презентизма⁵, вместе с которым следует и эмпирическое изучение, скорее, не закономерностей прошлого, а закономерностей бытования прошлого в настоящем⁶: механизмов сохранения

---

¹ *Большой толковый словарь под редакцией С.А. Кузнецова* // Справочно-информационный портал Грамота.РУ URL: <http://www.gramota.ru/> (дата обращения: 22.09.2022): “4. кого-чего или с опр. Наука, изучающая прошлое человеческого общества. Например, история средних веков”;

Толковый словарь русского языка Ефремовой // Портал словарей и энциклопедий URL: <https://gufo.me/> (дата обращения: 22.09.2022): “2. Научная дисциплина, изучающая ход развития человеческого общества”.

² Некоторые исследователи фиксируют, что политика памяти и историческая политика являются гипонимами по отношению к гиперониму “политическое использование прошлого”, например: *Малинова О.Ю., Миллер А.И. Символические аспекты политики памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. - СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2021. - С. 7-37.*

³ *Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 26-28*

⁴ *Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. - М.: Новое издательство, 2007*

⁵ *Hartog F. Regimes of historicity: Presentism and Experiences of Time. New York: Columbia University Press, 2015*

⁶ *Курилла И.И. История, или Прошлое в настоящем. - 2-е изд. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.*

прошлого, конструирования нарративов на его основе, политики информирования населения об этом. Изучаемая нами “память”, знание о прошлом, об истории не является индивидуальной, коллективной или даже социальной. В рамках принятой ныне концепции четырех типов памяти А. Ассман, вышеназванные три типа не соотносятся с изучением “политики памяти”, они замкнуты в рамки свободного формирования и фиксации посредством социальных коммуникаций и индивидуальной интеллектуальной деятельности определенных “точек прошлого” при использовании разных опор, среды и носителей⁷. А вот четвертый тип - политическая память, подразумевает прямое вмешательство внешнего для свободных социальных коммуникаций актора⁸ - государства и как раз является той научной сферой, в которой будет идти работа в этом исследовании.

Соотношение понятий “историческая политика” - “политика памяти” решается автором так. Мы пользуемся определениями исторической политики и политики памяти, данными А.И. Миллером как “набор практик, с помощью которых разные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие”⁹ и “деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их политики, инфраструктуры, законодательной базы”¹⁰. Термин “политическая память” в вышеуказанной интерпретации А. Ассман будет соответствовать по содержанию с объектом воздействия исторической политики по названному определению А.И. Миллера.

Наша работа посвящена анализу основных направлений и исторических опор, которыми пользуются различные институциональные акторы в современной России в рамках проведения исторической политики на примере вполне конкретного источника - исторического парка “Россия - моя история” в городе Москва. **Актуальность** данной темы проявляется и в общественном, и в научном контекстах.

Во-первых, сама историческая политика активизируются еще в первом десятилетии XXI века: в 2009 году создана комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб России, далее в 2012 году было создано Российское историческое общество, а вскоре за ним и Российское военно-историческое общество. Уже в 2014 году указом Президента РФ и внесением соответствующей поправки в УК РФ успешно завершилась криминализация деяний, предусматривающих любые признаки “реабилитации нацизма”. В 2015 году дан старт

---

⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. - М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 17-59

⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. - М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 34-42

⁹ Миллер А. И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3-4 (46). С. 10

¹⁰ Лапин В., Миллер А. (ред.) Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. - СПб.: Издательство ЕУ СПб, 2021. - С. 15

открытию исторических мультимедийных парков “Россия - моя история” (процесс продолжается: последняя экспозиция была открыта в Твери в 2022 году), наконец, в 2022 году была окончена долгая дискуссия о едином стандарте преподавания истории, шедшая вместе с дискуссией о “едином учебнике”: единые федеральные образовательные программы введены для школьного предмета “история”.

Таким образом, в последнее время создаются околосударственные учреждения, занимающиеся формированием истории в государственных интересах; государство, своими волевыми решениями встраивает в законодательную систему нормы, создающие дихотомию плохих и хороших в рамках исторической памяти, при этом все сильнее наращивая владение инструментарием ведения исторической политики в образовании, просвещении, массовой культуре. Это делает исследования исторической политики особенно актуальными именно на российском материале.

Во-вторых, дискуссия о соотношении двух основных направлений деятельности в сфере общего понятия “история” также имеют огромный background и продолжаются до сих пор. Особо известен случай конфликта руководителя ГА РФ - д.и.н. С. Мироненко и министра культуры РФ - д.и.н. В. Мединского в 2015 году. В ответ на вполне обоснованное суждение о сочиненности мифа о “28 панфиловцах” министр культуры заявил, что “общественное массовое сознание фигурирует мифами <...> и к этому нужно относиться трепетно...”¹¹. Дискуссия при этом продолжается. Главный рупор Российского военно-исторического общества - портал “История.РФ” в 2022 году выпустил статью за авторством д.и.н. Г. И. Герасименко, которая стала квинтэссенцией доминирования мифа над наукой. В ней буквально было сказано, что “наука не любит мифы и пытается с ними бороться <...> однако борьба эта порой не только бесполезна, но и вредна”, а также что наука не должна опровергать миф, который имеет “колоссальную роль в истории”¹².

Таким образом, мы видим не только активизацию исторической политики в последние несколько десятилетий, но и наличие все более и более углубляющегося конфликта между представителями академической истории (истории как науки) и неакадемической, условно массовой истории (истории как не науки). Что также делает вопросы анализа исторической политики весьма и весьма актуальными.

В-третьих, говоря об актуальности научной, мы плавно перейдем к **краткому историографическому обзору**, написанного по изучаемой теме и смежным с ней темам;

---

¹¹ Владимир Мединский: Науке ничего не известно про 10 миллионов сосланных кулаков // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/interview/499707> (дата обращения: 22.09.2022).

¹² Герасименко Г. И. Миф Куликовской битвы // История.РФ URL: <https://histrf-ru.turbopages.org> (дата обращения: 22.09.2022).

написанных по тому же источнику, который используем мы и т.п. Ибо научный интерес и академическая дискуссия по определенным проблемным вопросам в рамках изучаемой темы также являются своеобразными показателями актуальности темы.

Так само по себе исследование музейных экспозиций, как объектов исследования, характеризующих символическую и историческую политики государства - направление, которое активно развивается. В последние несколько лет было написано несколько исследований посвященных музейным экспозициям и их содержанию: исследование экспозиции Музея Победы с точки зрения символического аспекта¹³, исследование нереализованной музейной экспозиции, а проектов к возможному единому "Музею обороны Ленинграда"¹⁴, обобщающее исследование региональных выставок и частной музейной инициативы¹⁵.

Немалое количество исследований посвящено и самим историческим паркам. Однако все они связаны с анализом либо противостояния институциональных акторов в процессе утверждения нарратива¹⁶, либо общей публицистической критикой наполнения выставок и общественной экспертизой отдельных структурных элементов выставки на предмет соответствия их историческим данным¹⁷, причем в отдельных региональных парках, либо оценка соответствия действительности региональных компонентов парка¹⁸. В данных исследованиях не поднимались, как ключевые, вопросы целостной реконструкции пантеона главных героев/событий, единого идейного замысла, методов и способов коммеморации в символах, нарративах.

Таким образом, данная тема является востребованной для исследований в научной среде в последние годы, при этом в ее изучении существуют на наш взгляд некоторые лакуны, связанные как с выбором методов, так и объекта исследования.

---

¹³ Белов С.И. Экспозиция в Музее Победы как индикатор политики памяти в современной России // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. - СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2021. - С. 1-1.

¹⁴ Павловская А.Ю. Память о блокаде, символы и пространственные метафоры : архитектурный конкурс и дискуссия о создании музейно-выставочного комплекса "Оборона и блокада Ленинграда" // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. - СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2021. - С. 1-1.

¹⁵ Королев К.М. Возвращение истории: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. - СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2021. - С. 1-1.

¹⁶ Казьмина В.П. Исторические парки «Россия — моя история» как отражение трансформаций институционального измерения российской политики памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. - СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2020. - С. 172-188.

¹⁷ Селин А.А. О выставках в историческом парке «Россия — моя история» в Санкт-Петербурге // Историческая экспертиза. - 2018. - №1 (14). - С. 59-77; Суслов А.Б. Исторический парк «Россия — моя история» в Перми // Историческая экспертиза. - 2018. - №1 (14). - С. 78-81; Прокопьев А.А. Другой взгляд на экспозицию в Екатеринбурге. «Россия — моя история»: не так страшен парк, как его малюют // Историческая экспертиза. - 2018. - №1 (14). - С. 93-102.

¹⁸ Вальдман И.А., Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторический парк "Россия - моя история": региональный контент versus идеология и смыслы основной экспозиции мультимедийного проекта // Преподаватель XXI век. 2019. №3-2.

Объектом исследования являются нарративы и конструкция исторических парков “Россия - моя история” в Москве. **Предметом исследования** - содержание нарративов, пантеон и иерархия событий, персонажей в исторической политике современной России, их идейный подтекст.

Целью исследования является характеристика особенностей содержания исторической политики в современной России. Поставлены такие исследовательские **задачи**:

— Проанализировать механизмы и способы реализации исторической политики в экспозиции исторических парков;

— Построить модель, характеризующую иерархию главных эпох и героев, использующихся в построении нарративов внутри исторических парков;

— Проанализировать основные структурные идеи, идейные направления, использованные при построении нарративов экспозиции.

Говоря о **методологии** исследования следует сказать, что для отдельных частей работы мы применим несколько разные методологические инструменты, которые при этом неплохо сочетаются друг с другом. В первой и второй главах будут исследованы внешняя и внутренняя стороны нарративов. В рамках внешнего анализа нарративов мы структурно попробуем выделить основные средства, инструменты, которые фиксируют историческую память; в рамках внутреннего проанализируем содержание нарративов с помощью количественных методов и матрицы контент-анализа. Некоторый омаж на разделение критики источника на внутреннюю и внешнюю особенно в позитивистских исследованиях конца XIX века видится в таком методологическом разделении на внутреннюю и внешнюю сторону нарратива, однако это имеет свой смысл. В самой общей, формальной, скорее, не содержательной конструкции нарративов уже есть информация, посвященная тому, какие категории, критерии представляются составителям наиболее важными для оценки прошлого, в каких формах будет фиксироваться память о прошлом и т.п.

Как уже говорилось, во второй главе будет уделено количественным методам анализа источника. Будут использоваться методы количественного анализа нарративных источников¹⁹, которые близки к методам контент-анализа, если мы понимаем коммуникативное пространство экспозиции исторического парка как условный текст. При этом ключевыми станут вопросы частоты упоминания отдельных единиц анализа (эпох, правителей, событий и т.д.) и направленности их упоминания (в каком контексте упоминаются единицы анализа в тексте)²⁰.

---

¹⁹ Селунская Н.Б., Петрова О.С., Карагодин А.В. Измерение прошлого. - СПб.: Алетейя, 2018. -С. 144-160

²⁰ Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. - 1998. - №6; Neuman L.W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches, 2 nd ed. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1991

В третьем параграфе анализ будет строиться вокруг основных идейных конструкций, главных смысловых направлений, в соответствии с которыми авторы строят нарративы. Другими словами, какие идеи, мысли, уроки должны приходиться по просмотре экспозиции, в какую сторону идейно ориентированы выводы, постулируемые в экспозиции. Такой анализ близок к методу анализа метанарративов, которые по своему смыслу выходят за пределы просто нарратива, а становятся идеологемой, объясняющей прошлое и конструирующей *ad perfectum* будущего²¹, что соотносится с сутью экспозиции исторического парка.

II. Основная часть

Глава 1. Характеристика способов и инструментов коммеморации и реализации исторической памяти

В первую очередь изучить хочется сами механизмы фиксации и внешнее устройство такой системы осуществления политики памяти, как исторический парк “Россия - моя история”. На выставке “Романовы” исторического парка “Россия - моя история” в городе Москва, которую мы в основном будем изучать, находится 14 экспозиционных залов, 5 кинозалов и 1 зал иммерсивного погружения в эпоху, описывающий быт XVII века.

Зал иммерсивного погружения предполагает достаточно обобщенное знакомство с наиболее известными предметами быта и обихода - свечи, печи, изба; своего рода знакомство с копиями артефактов эпохи, с возможностью эмпирического взаимодействия с ними. А вот экспозиционные залы более всего являют нам наиболее характерные черты современной политики памяти. Именно в них происходит основная фиксация героев и врагов, дихотомии плохого и хорошего, в них формируется авторский нарратив.

Сами залы разделены по принципу правлений - то есть “каждый новый правитель - новый зал”. При таком раскладе каждый зал - это комплекс памяти по конкретному правителю, событиям его эпохи. Именно поэтому обеспечивается некоторая тождественность эпохи и экспозиционного зала, правителя и зала. Исключение из такого принципа коммеморации составляет только несколько эпох: Федор III и Софья Алексеевна, Екатерина I и Петр II, Анна Иоанновна и Иоанн VI, а также Павел I и Александр I объединены вместе в один зал. В остальных 10 случаях принцип “один зал - один правитель работает”.

Однако важно, что внутри этих экспозиционных залов - не все можно назвать авторским нарративом. Каждый зал имеет механизмы пяти типов, представленных в таблице ниже.

Таблица 1 (см. в приложении)

Из этих пяти типов четыре это ненарративная (не предполагающая авторского решения причинно-следственных связей между фактами) фиксация различных фактов и их

---

²¹ Малинова О.Ю., Миллер А.И. Символические аспекты политики памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. - СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2021. - С. 7-37.

геймификация: упорядоченная хронология эпохи, топ интересных фактов, фиксация территориальных и демографических изменений в стране, а также различные приспособления виртуализации и геймификации для проверки фактов (викторины на сенсорных панелях, виртуальные модели сражений и т.п.). Эти механизмы фиксации не предполагают другого творческого, авторского элемента помимо подбора фактов, причем в большинстве случаев это стандартный фактологический комплекс, сложившийся в истории, как школьном предмете.

Внутри же пятого механизма фиксации создается основное изложение событий внутри экспозиции. Именно информационные тачпады с зафиксированными внутри них вставками о сферах развития общества - это и есть сам основной авторский нарратив. Внутри этих вставок приводятся сгруппированные по сферам развития общества, проблемным вопросам, отдельным событиям основные концепции того, как развивалось общество в представленные эпохи.

Рисунок 1 (см. в приложении)

Помимо этого существует еще один весьма интересный способ фиксации нарратива - цитаты. Кроме них и информационных тачпадов в экспозиции вообще не остается никакой нарративной информации и стержня выставки. Все остальное - хаотичный, не связанный в истории набор фактов. Сами цитаты также дают возможность авторам не только придавать необходимые эмоциональные оттенки эпохам, событиям, но и создавать вполне себе самостоятельные нарративные видения ситуаций, описанных в выставке. Для примера такого процесса особенно хорошо подходит зал, связанный с Николаем II.

Рисунок 2 (см. в приложении)

Здесь особенно заметен нарративный уклон в формировании цитатника зала. Все цитаты особенно акцентируют внимание на невинности, даже нарочитой виктимизации Николая II и царской семьи (цитаты Лубе, Бормана, Коковцова, Саттона) или же пытаются найти аргументы для преодоления трагедии революций 1917 года (множественные цитаты церковных деятелей: Иоанна Кронштадтского, Анатолия Оптинского), которые местами приобретают характер религиозного провиденциализма. Конечно, нельзя отрицать то, что подбор фактов для хронологических рядов, например, также содержит в себе след "творческой руки составителей", однако повторюсь, выборка в основном соответствует фактологическому минимуму школьной исторической программы. Таким образом, авторский нарратив и, соответственно, политика конструирования истории, исторических нарративов проявляется внутри выставок в основном в механизмах цитирования и информационных тачпадов.

Глава 2. Анализ внутреннего исторического содержания нарративов

§1. Информационная мощь и пантеон героев/антигероев

Как было сказано ранее, выставка "Романовы" внутри исторического парка "Россия - моя история" в г. Москва представляет собой комплекс из 14 экспозиционных залов и 5 кинозалов, в

качестве дополнения к экспозиции. Внутри каждого из залов существует достаточно типовая система оборудования. Наиболее интересный для нас объект - это интерактивные тачпады с информационными вставками внутри, ибо именно они создают независимый нарратив, который уже является целиком и полностью продуктом работы авторов экспозиции. Внутри такого нарратива осуществляется: 1) подбор фактов из существующих, в соответствии с целями авторов; 2) создание причинно-следственных связей, оценочных каскадов для авторского объяснения самой истории - нарратива; 3) подбор формы воплощения нарратива в интерактивный тачпад (оформление, цитирование источников и историков и т.п.).

В этом параграфе хотелось бы заняться анализом внешнего “распределения внимания” авторов на эпохи и личности истории России по количественным показателям оборудованности залов и, следовательно, их нарративной мощности. К каким эпохам создается больше информационных вставок, ставится больше тачпадов, то есть создается больше нарратива? К каким “точкам памяти” приковано большее внимание? Проанализируем общее распределение сначала самих тачпадов, а затем отдельных информационных вставок в них по залам.

Рисунки 3-4 (см. в приложении)

При анализе этих данных оказывается, что наиболее мощным информационно оказывается последний зал, посвященный Николаю II, в числе наименее оборудованных оказываются залы об эпохе дворцовых переворотов: Анна Иоанновна, Екатерина I и Петр II и даже Елизавета Петровна явно вне особой авторской активности. Средняя информационная мощность их залов 3-4 единицы при 13-14 единицах в зале, посвященном Николаю II. При сопоставлении данных двух этих графиков можно получить среднюю информационную мощность для каждого зала. Под средней информационной мощностью мы понимаем условную единицу измерения количества информации (в виде усредненного значения количества информационных тачпадов и вставок нарратива в них), посвященного отдельным объектам.

Рисунок 5 (см. в приложении)

При этом показательно, что случаи исключения из принципа “один правитель - один зал” оказываются обычно в зонах отрицательной динамики (разве что зал Павла и Александра держится на уровне соседних “индивидуальных” залов, но здесь важен момент, который будет раскрыт в соседнем абзаце - около половины вставок в этом зале посвящены исключительно и только декабристам). То есть даже объединение нескольких правлений в один зал не добавило важности периоду для составителей экспозиции.

Однако говорить о том, что такой выбор наиболее освещенных и наименее освещенных событий - это фиксация представлений составителей (а, следовательно, государства) только на основе этих данных нельзя. Есть и некоторые объективные факторы - например, отсутствие источников по периоду или малая длительность правления. Учитывая, что источникового голода

конкретно по эпохе дворцовых особо не наблюдается (также как и по эпохе Александра II, по которой также наличествует резкое падение), то единственным возможным оправданием такому падению (падению относительно т.н. “линии тренда” - пучка из трех линий, показывающих среднюю информационную мощность, которая выходит из тенденции на увеличение информации и источников) становится длина правления.

Однако при сопоставлении долготы правления или длительности эпохи с информационной мощностью, то оказывается, что в большинстве случаев длительность правления не создает прямо пропорциональную динамику в практиках политики памяти.

Рисунок 6 (см. в приложении)

Например, почти полное отсутствие изменений в информационной мощности при Петре I относительно предшественников и потомков (которые не очень пожалованы вниманием составителей) не коррелирует с огромной и рекордной для России того времени длительности правления. То же справедливо и для Александра II, чье правление краткостью не отличается.

Таким образом, основной фактор распределения количества информации об эпохах и героях национальной истории - это не объективные обстоятельства в виде длительности правления или отсутствия достаточного корпуса источников (наоборот, в основном чем ближе к современности, тем больше аспектов для изучения - это линия общей тенденции на схеме), а конкретные цели авторов нарративов выставки.

Наибольшее внимание авторов уделяется Николаю I и Николаю II (единственные правители, залы которых обладают информационной мощностью более 10 единиц) и Екатерине II (имеющую такой же показатель информационной мощности как у Павла I с Александром I, чуть меньший чем у императоров-Николаев), при этом наблюдается отрицательная динамика для традиционно популярных правителей российской истории - Петра I и Александра II.

§2. Цитирование и пантеон героев/антигероев

Цитата в экспозиции - это универсальный инструмент формирования необходимого общего эмоционального и семантического ощущения экспозиции посетителем. Сам механизм подбора цитат из множества источников и текстов (ведь на любую цитату почти всегда можно подобрать столь же цельную, сказанную не менее авторитетным человеком, но при этом выражающую совершенно противоположный смысл цитату) и их расположения в экспозиции - это достаточно важный показатель того, какой выставку хотят видеть, какие эмоциональные ощущения должно вызывать экспозиционное пространство.

В изучаемом нами пространстве исторического парка существует несколько параллельных видов цитирования. Цитирование может быть внутри самих тачпадов с нарративами, а может просто внешне сопровождать экспозицию по периметру залов. При этом существует достаточно интересная традиция “титულიной цитаты” - лаконичной, яркой

императивной оценочной позиции по тематике зала, при этом располагающейся около главных показателей эпохи - около стенда демографической и территориальной динамики развития России в данную эпоху. Конечно, сразу стоит отметить, что иногда такой цитаты нет, она заменена несколькими сходными по значению цитатами, находящимися в экспозиционном зале.

Таблица 2 (см. в приложении)

Мы попробовали классифицировать эти цитаты по нескольким группам в зависимости от их содержания.

Таблица 3 (см. в приложении)

Условная первая группа “прямо одобрительных цитат” - такие цитаты сходны с фиксацией памяти “победителей”, героев, такие цитаты имеют целью исключительно зафиксировать хорошие качества правителя: жертвенность, внимание к простому народу, смелость. Вторую группу составляют цитаты, которые создают отрицательный смысловой фон правителю и времени его правления, такие цитаты фиксируют либо некоторые неудачи, либо отсутствие индивидуальности в правителе, в любом случае их смысл с очевидной прямотой не выражает восторга составителей экспозиции от правителя. Третья же группа - это суждения такой семантики, которую невозможно строго определить к какой-то из сторон в дихотомии “герой — не совсем герой, относительно реальных (по нарративу экспозиции) героев”, это высказывания с утверждением не о характере правления, а о его основаниях, неоднозначные с точки зрения конъюнктуры комментарии о роли правителя, цитаты монархов с рефлексией о собственном правлении, которые допускают отрицательный дискурс, не отвергая положительный и т.п. В таблице 2 зеленым цветом обозначены цитаты первой группы, красным - цитаты второй группы, желтым - третьей, “нейтральной” группы.

Итак, кажется, достаточно характерным, что группа нейтральных и отрицательных цитат (разница между ними может быть не столь очевидной, однако, их противопоставленность “зеленым” цитатам достаточно ярко видна - это самое главное) почти до последнего элемента совпадает с уже обозначенными в предыдущем параграфе провалами информационного внимания от составителей экспозиции.

Рисунок 7 (см. в приложении)

Глава 3. Анализ идейной основы экспозиции, причинно-следственных связей и контекстов нарративов

Весьма интересное участие в экспозиции принимает религиозный компонент. Его наличие особенно кристаллизуется к концу экспозиции. Так, например, в последнем зале, посвященном Николаю II, цитат религиозных деятелей около трети от всего объема цитирования в зале: 4 из 15 цитат принадлежат церковным деятелям или преподобным. Еще 6

из 15 за авторством либо самого Николая II, либо его отца (Александра III), либо его сына (цесаревича Алексея). Таким образом, только треть цитат принадлежит не церкви и не самой монаршей особе с потомками и предшественниками. Историки в этот раз в дискурс цитат вообще не допущены: ни одной точки зрения из историографии, только весьма своеобразная подборка цитат современников. Особое влияние уделено цитированию церковных деятелей в первом зале (“Смута”), даже титульная цитата фиксирует доминирующую роль церкви в преодолении кризиса смутного времени (см. таблицу 2). И хотя влияние церкви, как мнемонического актора формирования нарратива в выставке падало с течением времени²², оно местами еще весьма и весьма остается весомым.

Таким образом метанарратив “важности и наличия роли церкви в исторических событиях, преодоления трагедий” присущ экспозиции.

Помимо экспозиционных залов в экспозиции присутствуют еще и кинозалы.

Таблица 4 (см. в приложении)

Сами кинозалы в общей массе своей имеют достаточно нейтральные, метапериодные темы - “Культура и просвещение”, “Изобретения и открытия” и т.п., из этого ряда выделяется, пожалуй, только одна локация - последний кинозал, завершающий экспозицию. Его название - “Последний император”, повествует он, соответственно, о правлении Николая II, но более конкретно о его убийстве, моральной оценке этого, памяти этого события. Такое особое внимание к окончанию правления конкретного императора, в отличие от других залов, наоборот связывающих разные периоды по принципу объединения через развитие общей сферы (культура и просвещение и т.п.) имеет разве что одну параллель в экспозиции - первый зал “Смута”. Оба эти зала - это, полагаем, по логике создателей главные травматические страницы в истории России. Николаю II посвящено рекордное количество информационных вставок, с ним связаны некоторые особенности цитирования (роль религиозной оценки, описанная выше), его жизнь и смерть описаны в отдельном кинозале. “Смута” же - единственный зал не посвященный отдельному правителю и единственный, чисто формально не связанный с временем правления Романовых (1613 год - выступает своеобразным разделителем).

Таким образом метанарратив “трагедии умысла против естественного порядка”, который в религиозном контексте превращается в метанарратив “трагедии умысла против божественного провидения” также свойственен экспозиции.

Интересно, что в некоторых залах особенное внимание уделено не общим характеристикам политики монарших особ, а другим отдельным событиям, произошедшим в их правление. Из

---

²² О роли церкви, как институционального мнемонического актора в формировании нарратива в парках: Казьмина В.П. Исторические парки «Россия — моя история» как отражение трансформаций институционального измерения российской политики памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. - СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2020. - С. 172-188.

таких событий и процессов наибольшую часть пространства самого зала и, следовательно, воображаемого “внимания” составителей выставки занимают два кейса: восстание декабристов в экспозиции Александра I и Павла I, а также разгул террора в правление Александра II. Восстание декабристов занимает 13 информационных вставок из 30, выделенных составителями на зал, посвященный этой эпохе (то есть около 45%), разгул террора же занимает целых 7 вставок из 18, посвященных правлению Александра II (то есть около 40%).

Само по себе особое внимание к каким-либо нонконформным общественным реакциям, их стигматизация²³, а также восприятие радикальных общественных изменений как трагедии (именно так обстоит дело с нарративами о революциях 1917 года и убийстве царской семьи, как было сказано выше) доказывает большую роль метанарратива “стигматизации угрозы величию страны извне и изнутри”, “угрозы нации и государству”.

III. Заключение

Итак, в заключение стоит подытожить все отдельные выводы:

- 1) Анализируя инструменты создания авторского нарратива и, соответственно, способы проведения политики памяти, было выяснено, что они проявляются внутри выставок в двух основных механизмах фиксации памяти - информационных вставках внутри интерактивных тачпадов, а также внешнем и внутреннем цитировании;
- 2) В ходе анализа факторов распределения информации об эпохах и героях национальной истории - было определено, что основным фактором в основном являются не объективные обстоятельства в виде длительности правления или отсутствия достаточного корпуса источников, а конкретные цели авторов нарративов выставки;
- 3) Была построена модель пантеона героев. Наибольшее внимание авторов уделяется Екатерине II, Николаю I и Николаю II, при этом есть отрицательная динамика относительно популярных в массовом сознании правителей - Петра I и Александра II;
- 4) Также мы пришли к выводу, что механизм цитирования также являет предпочтения составителей выставки в пантеоне героев/антигероев. При наложении результатов анализа информационного обеспечения по отдельным эпохам и цитирования были обнаружены корреляции почти по всем элементам, что подтверждает единство исторической политики относительно пантеона героев, правлений, точек памяти;
- 5) В случае анализа основных идейных конструкций, использованных составителями были выделены главные метанарративы: “церковной поддержки”, “национальной угрозы, борьбы с врагами нации и государства”, “стигматизации дестабилизации”.

---

²³ О мысли о нарративе постоянной угрозы России: *Казьмина В.П.* Исторические парки «Россия — моя история» как отражение трансформаций институционального измерения российской политики памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. - СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2020. - С. 172-188.

IV. Список литературы

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. - М.: Новое литературное обозрение, 2014
2. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999
3. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. - М.: Новое издательство, 2007
4. *Курилла И.И.* История, или Прошлое в настоящем. - 2-е изд. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.
5. Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сборник статей / под ред. В. В. Лапина и А. И. Миллера. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021
6. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
7. *Селунская Н.Б., Петрова О.С., Карагодин А.В.* Измерение прошлого. - СПб.: Алетейя, 2018. -С. 144-160
8. *Миллер А.И., Липман М. (ред.)* Историческая политика в XXI веке М.: Новое литературное обозрение, 2012
9. Историческая память: введение : учебное пособие / Ю. А. Сафронова. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт Петербурге, 2019.

V. Приложение

<i>Механизм фиксации</i>	<i>Направление фиксации</i>
Экран динамики эпохи	Территориальная, демографическая динамика общества
Информационный тачпад	Нарратив об отдельных сферах развития общества (социально-экономическое развитие, культура и т.п.)
Хронологический экран	Событийные ряды, связанные с эпохой, тематикой зала
Тачпад интересных фактов	Случайные ненарративные интересные факты истории
Интерактивные стенды и экраны	Геймификация событий, проверка в игровой форме

Табл. 1 Механизмы и направления фиксации памяти в исторических парках

<i>№ зала и название</i>	<i>“Титульная цитата”</i>
№1 «Смута»	“Воистину, посреди ужасов Смутного времени русское духовенство сияло доблестью и совершало подвиги” (М. Толстой)
№2 «Михаил Федорович»	“Вам самим ведомо, учинились мы царем по вашему прошению, а не своим хотением...” (Михаил Федорович)
№3 «Алексей Михайлович»	“Нынешний царь одарен необыкновенными талантами, имеет прекрасные качества и украшен редкими добродетелями...” (А. Лизек)
№4 «Федор III и Софья»	“Я готова за Святую Церковь положить свою голову...” (Софья)
№5 «Петр I»	“Пускай злость клеветет, совесть моя чиста, Бог мне судья...” (Петр I)
№6 «Екатерина I и Петр II»	«При Петре она светила не собственным опытом...» (С.М. Соловьев) «Царь [Петр II] похож на своего деда...» (Лефорт)
№7 «Анна и Иоанн VI»	«Простите все» (Анна Иоанновна)
№8 «Елизавета Петровна»	«...Все, кому дороги национальные заветы, не могут не любить ее и не восхищаться ею» (Н.Н. Врангель)
№9 «Екатерина II»	«Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали» (А. Пушкин)
№10 «Павел I и Александр I»	“Человек - первое сокровище государства...” (Павел I), “Император Александр проявил большой характер...” (Александр I)

№11 «Николай I»	«Я пашу, как раб на галерах» (<i>Николай I</i>)
№12 «Александр II»	«Россией управлять не сложно, но совершенно бесполезно», “Все страны живут по законам, а Россия по поговоркам” (<i>Александр II</i>)
№13 «Александр III»	“Меня интересовало только благо моего народа и величие России” (<i>Александр III</i>), “У императора было совершенно выдающееся благородство и чистота нравов” (<i>С. Вумме</i>)
№14 «Николай II»	“Нет такой жертвы, которую я бы не принес чтобы спасти Россию” (<i>Николай II</i>), «Никакой глава гос-ва не смог бы противостоять смуте такого масштаба...» (<i>Энтони Саттон</i>)

Табл. 2. Содержание титульных цитат по залам

<i>Общая группа</i>	<i>Характеристики</i>	<i>Цитаты</i>
Положительные характеристики (№3, 8, 9, 10, 11, 13, 14)	жертвенность	№13, №14
	отсутствие вины	№11, 14
	внимательность к подданным	№10, №11
	“хороший” характер, сугубо личные качества	№3, №9, №10, №11
	приверженность государственным интересам	№8, №11
Нейтральные, пограничные характеристики (№2, 4, 5)	чистота совести, оправдание	№2, №5
	слепая самоотверженность	№4
Отрицательные характеристики (№ 6, 7, 12)	признание вины, неудач, разочарование	№7, №12
	копирование правления, несамостоятельность	№6

Табл. 3. Матрица оценки цитат по залам

<i>№ и расположение кинозала</i>	<i>Название</i>
1 (после зала №2)	«Россия от царства к империи»
2 (после зала №5)	«Армия и флот — две руки государя»
3 (после зала №9)	«Культура и просвещение»
4 (после зала №12)	«Изобретения и открытия»
5 (после зала №17)	«Последний русский император»

Табл. 4. Названия и тематика кинозалов в экспозиции

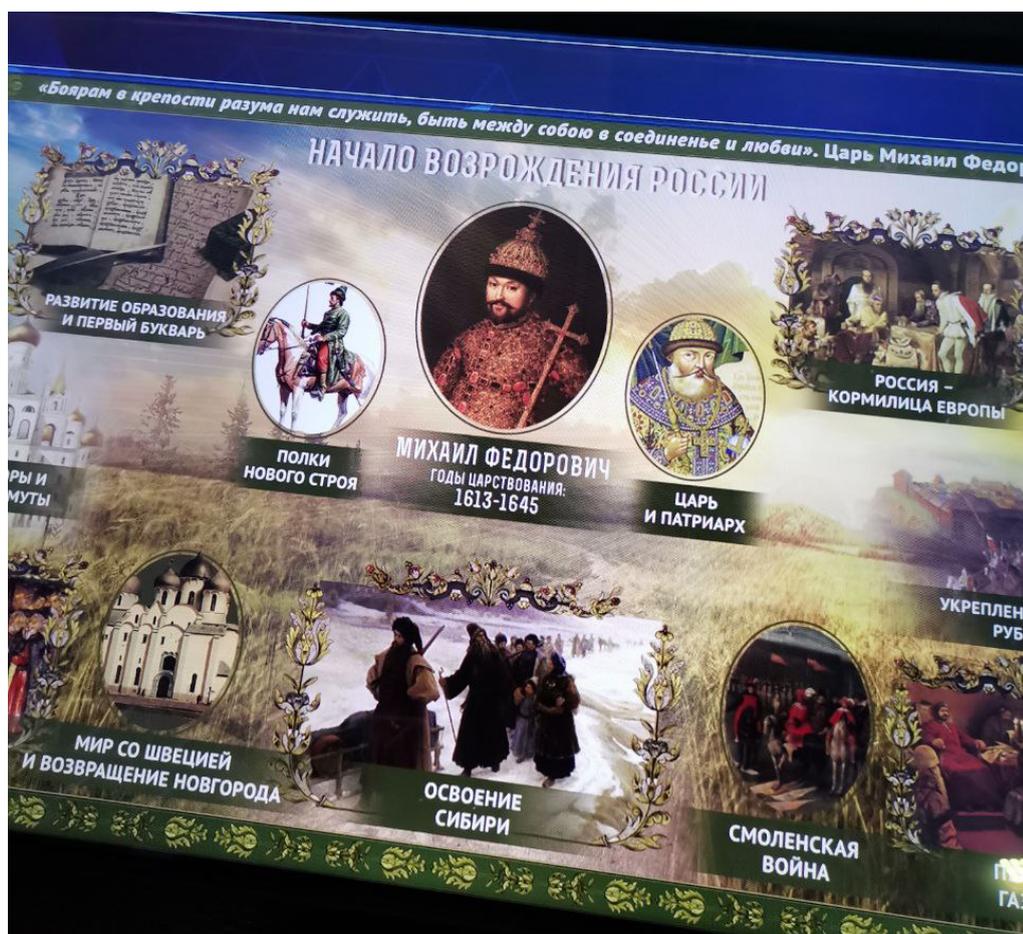

Рис. 1. Пример информационного тачпада (каждая иконка - ветвь нарратива по отдельной теме)

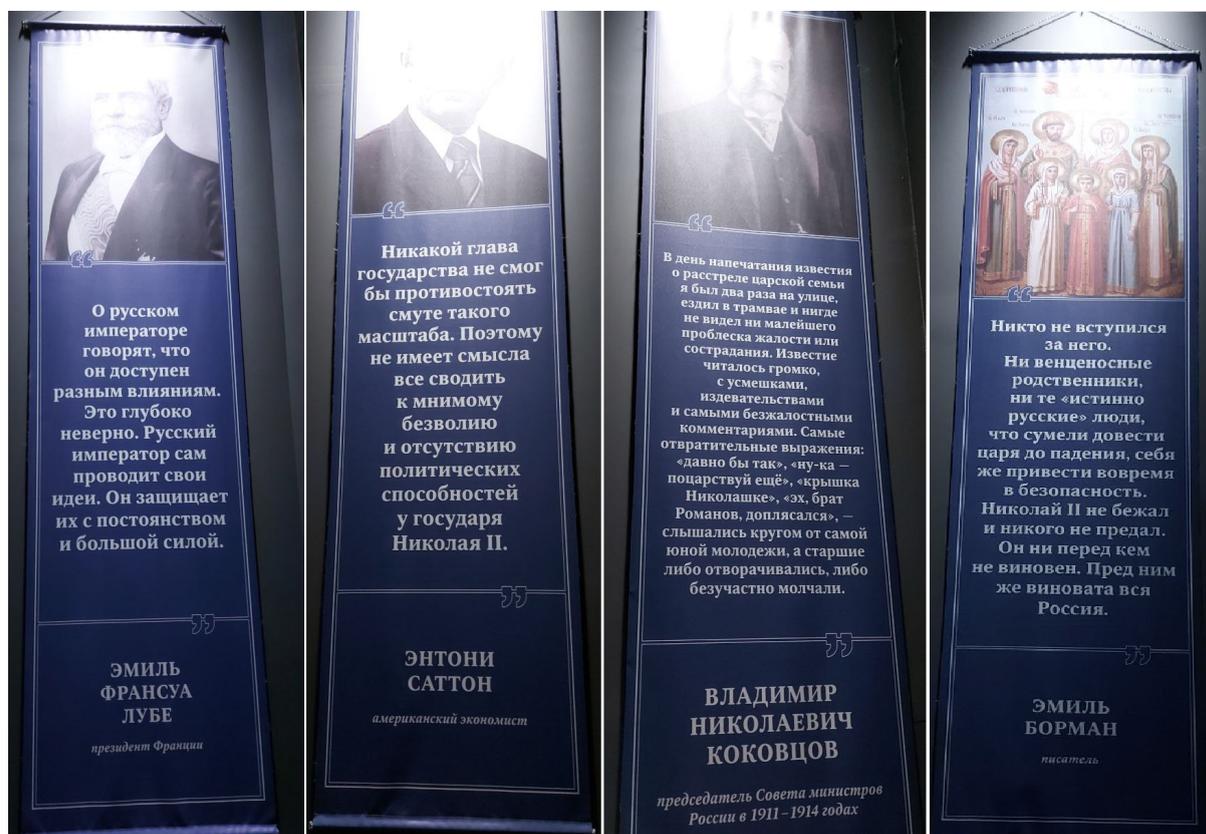

Рис. 2. Пример цитатника зала (зал №14; цитаты размещены на свитках по периметру зала)

Распределение тачпадов по залам в экспозиции

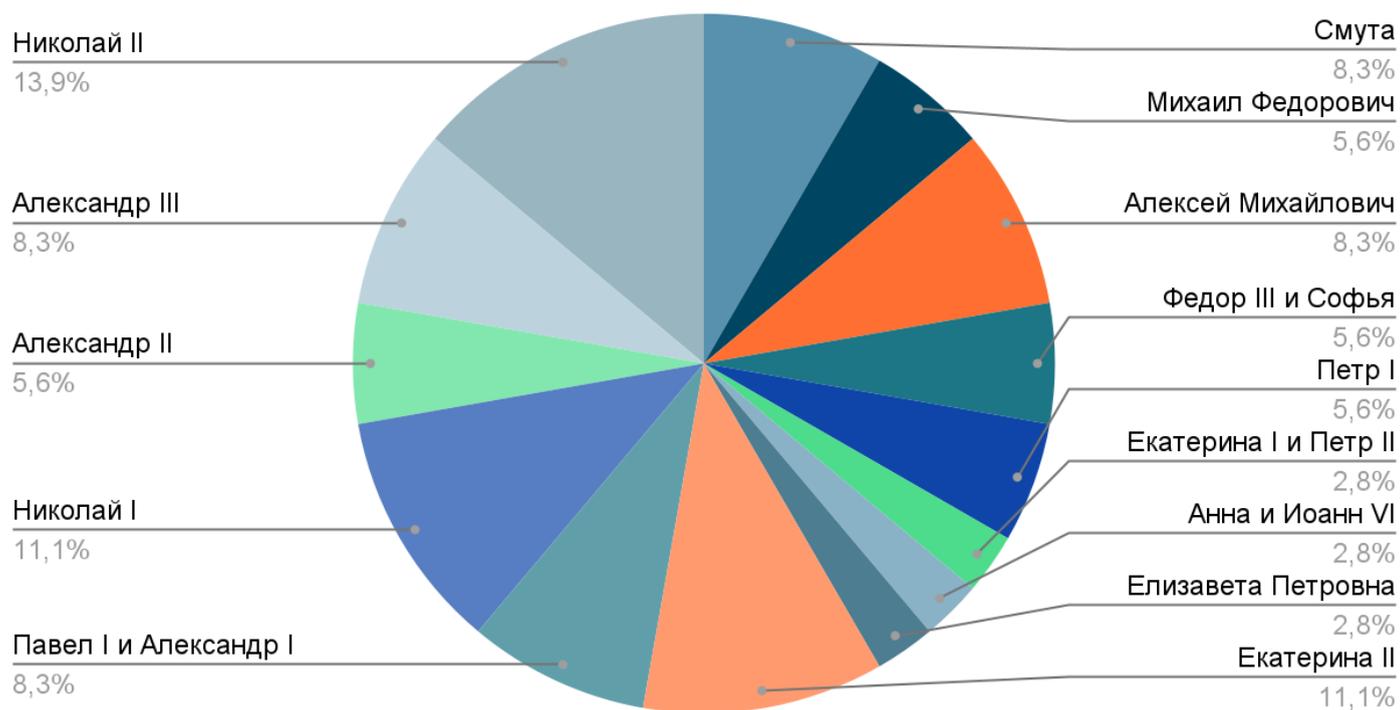

Рис. 3 График распределения тачпадов по залам в экспозиции

Распределение информационных вставок внутри тачпадов

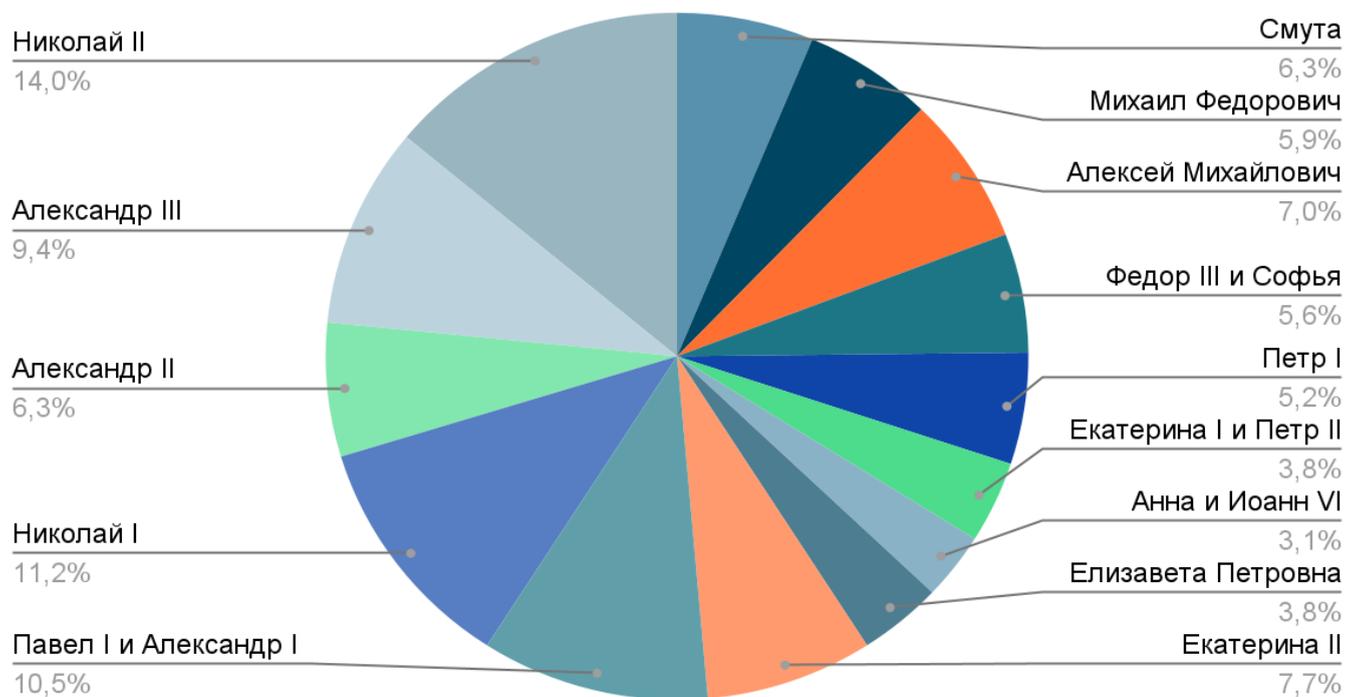

Рис. 4 График распределения внутренних информационных вставок в экспозиции

Динамика информационной мощности экспозиций по эпохам

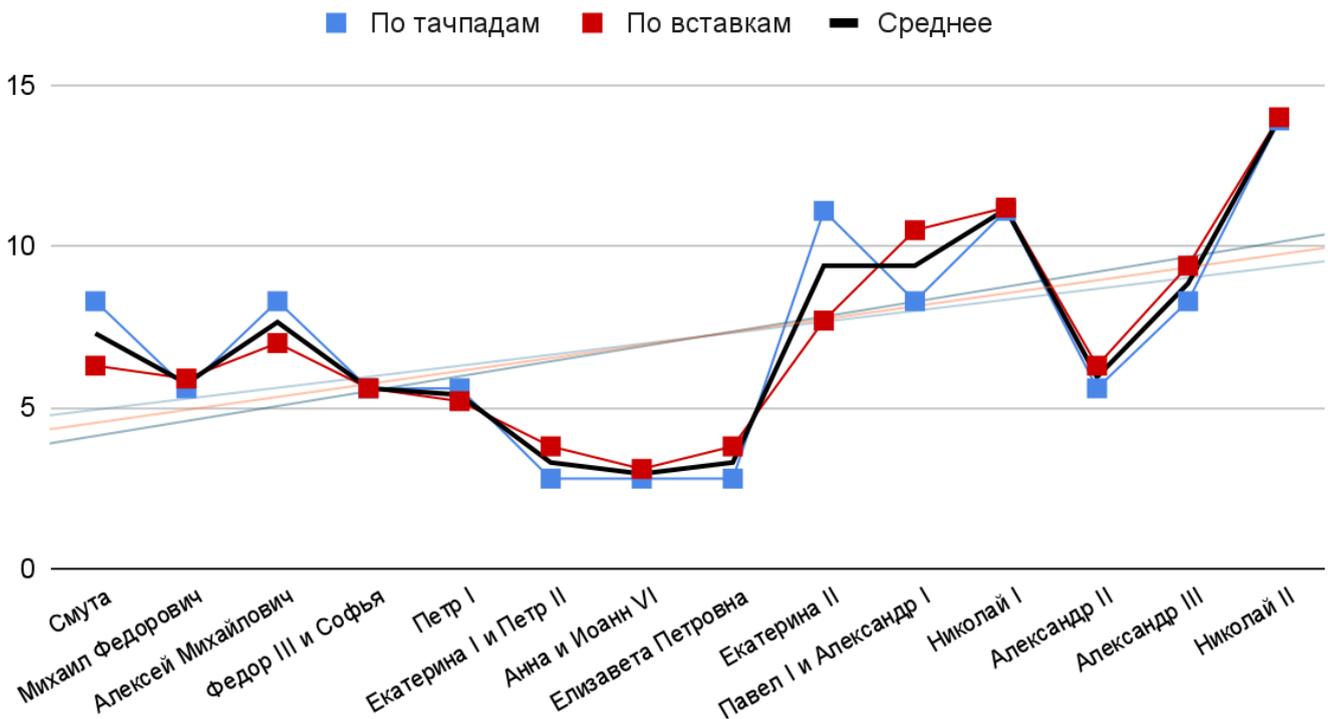

Рис. 5 График динамики информационной мощности экспозиций по эпохам

Соотношение длительности правления и информационной мощности

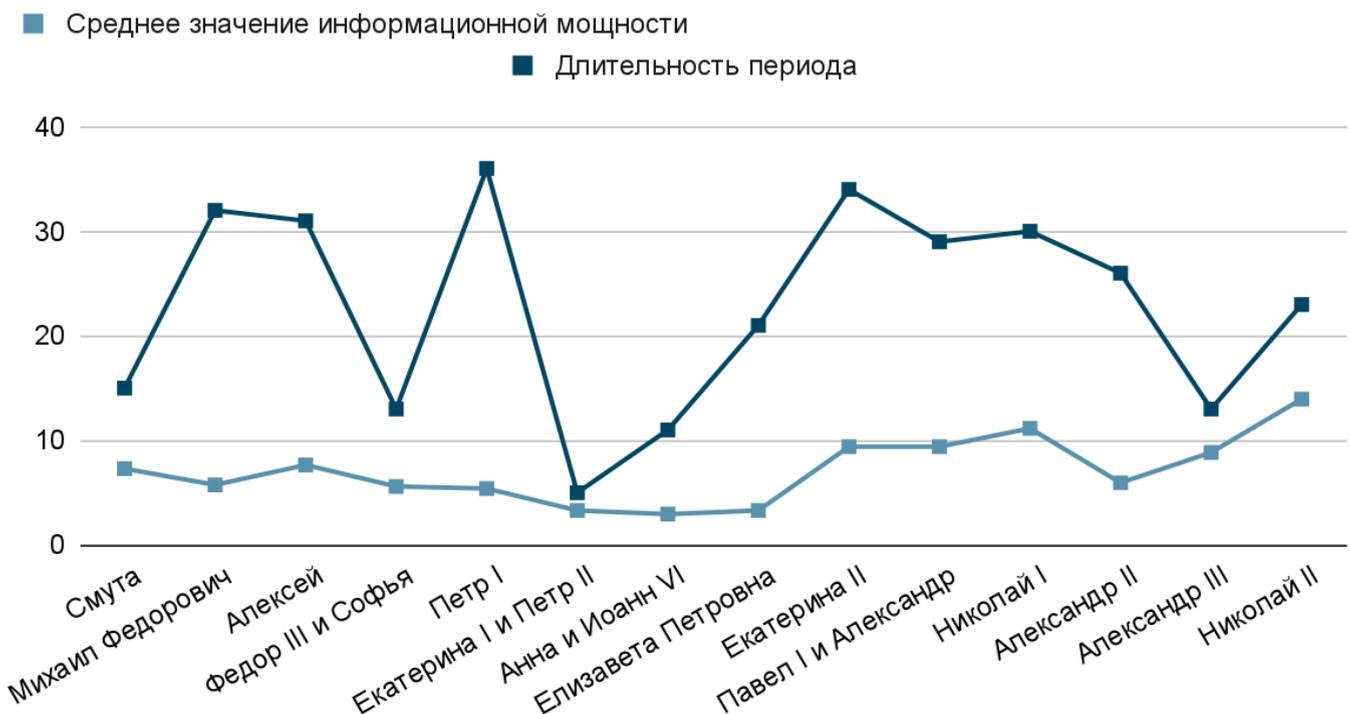
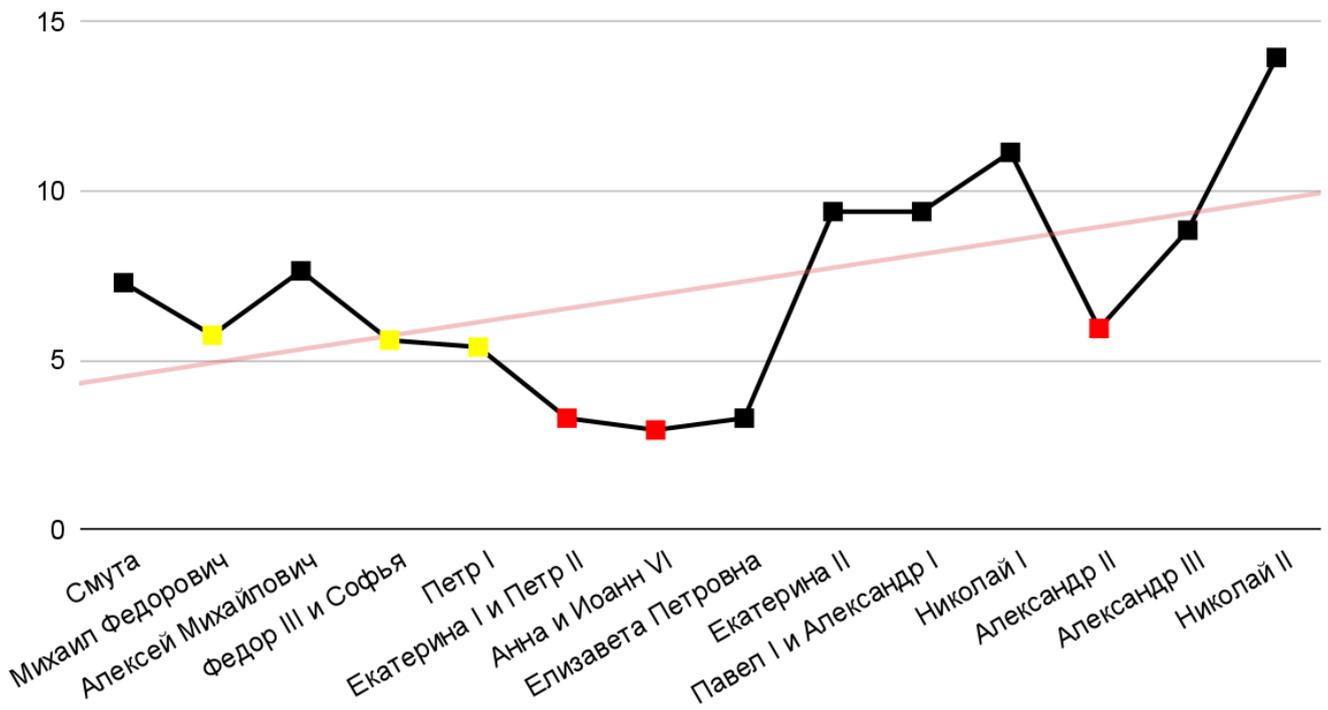

Рис. 6 График соотношения длительности правления и информационной мощности

Соотношение цитирования и информационного обеспечения

Рис. 7 График соотношения цитирования и информационного обеспечения (точки окрашены цветом в соответствии с группой распределения цитат по смыслу)